

Встречи для вас

Константин Райкин:

«ПРИГЛАШАЕМ В НАШ НОВЫЙ ТЕАТР...»

Весной в Москве открывается новый театр. Он будет называться Государственный театр миниатюр. На его афишах появятся четыре первых спектакля, в которых примут участие народный артист СССР Аркадий Райкин и его сын Константин, еще недавно актер театра «Современник». Мы попросили рассказать молодого Райкина о том, каким видится ему новый творческий этап в жизни.

«ВТ». Из «Современника», где сыграны роли классического репертуара, вы пришли в театр миниатюр — в известном смысле, из принца Датского — в сатирики?

— Считаю, что из сатирического театра я и ушел. «Современник» на этот счет в особых рекомендациях не нуждается. В его спектаклях много юмора, и юмора далеко не беззубого... Меня привлекает скорее другое: театр отца как более демократический вид театра, в котором лично я вижу возможность соединить уже приобретенные навыки с поиском в области формы, зрелищности, актерской выразительности... У меня есть свои замыс-

лы: вместе с режиссером Валерием Фокиным я работаю над спектаклем «Лица»... Но я бы определил себя с известной долей юмора как актер-заводилу.

«ВТ». Театр миниатюр переехал в Москву — процесс, конечно, не просто механический. Изменится ли репертуар, появятся ли новые актеры?

— Переезд во многом связан с утвердившимся авторитетом театра — теперь Государственного театра миниатюр.

Впервые у театра появится свое помещение, а это в свою очередь обязывает к более разнообразному репертуару — двум-трем, а

может быть, и четырьмя постановкам. В спектакле, который мы репетируем сейчас, занято восемнадцать актеров, в том числе десять новых, включая меня. Это молодые актеры из театров Москвы и других городов. В Москве для театра реконструируется концертный зал «Таджикистан»... Много фантазируем, обсуждаем.

Мы обязаны искать: ведь театр не может рассчитывать быть понятым следующими поколениями. Спектакль либо понимают сегодня, либо вообще никогда.

«ВТ». Вы преподавали в театральном институте, поставили несколько спектаклей на курсе у Олега Павловича Табакова. В какой степени соотносится это с вашими дальнейшими творческими замыслами? Что вы вкладываете в понятие «актер»?

— Всегда привлекает актерская работа «на полную катушку», когда на сцене используется все мастерство. Театр миниатюр таков: имея короткое время для спектакля, он предельно выразителен, ярко, и это чрезвычайно интересно.

То, что я в свое время делал на курсе у Олега Павловича Табакова, и то, что я делаю сейчас, — это очень серьезно соотносится. Все это объединяется моим пониманием смысла и содержания профессии актера. Для меня актер — соединение личностных качеств волевого человека (это обязательно!), который делает себя. Аскетическая профессия, не загульно-поверхностно — развеселая, прощывающаяся по жизни, а скорее изнурительная. И при самом высоком интеллекте, восприимчивости — это должен быть поджарый, тренированный человек; не считающий зазорным для себя и сальто сделать, и по проволоке пройти. Потому что все тело — его язык.

Актер, с моей точки зрения, так должен уметь владеть собственным аппаратом — эмоциональным, физическим, психологическим, — чтобы самому быть спектаклем. Он и есть театр. Так во всяком случае актер должен быть воспитан и тренирован. Мы на курсе у Олега Павловича Табакова стремились

именно к этому.

«ВТ». Вот вы сказали, что актер должен быть человеком тренированным, значит, всю жизнь себя ограничивать в удовольствиях? Чего пожелать молодому человеку, мечтающему играть на сцене?

— Я убедился, что любая серьезная цель требует самоограничений. Мы противоречивы в своих желаниях. Как тут быть? Для актера очень важно понять, что же главное. И подчинить этому все остальное.

Играть на сцене? Если это желание продиктовано инстинктивным убеждением в собственных силах, а не блеском и мишурой — в молодости их многие связывают с нашей профессией, — то тогда актеру можно пожелать воли, мужества. Все ведь просто: гений — это есть только способность направить свои усилия.

А начинать приходится с вещей обыденных. Вот я, например, склонен к полноте... Совершенно незаметно? Потому что приходится соблюдать строгую диету, придерживаться определенного порядка дня... Кроме того, каждый день танцую, разминаюсь... Получается или не получается роль, но в любом случае требуется очень большое количество работы.

«ВТ». Например, ваша первая роль в театре...

— О, это был один из самых сложных моментов в жизни: репетировали спектакль «Валентин и Валентина». Я что-то говорил, делал, словно по инерции, но сам с ужасом понимал — не получается, не получается...

Я только пришел в «Современник», и никто меня не знал. Моих способностей и каких-то местных успехов, которые были в институте... Просто видели все: пришел новый актер, репетирует плохо... Вы знаете, я в ту пору был особенно самолюбив и неуспех переживал очень тяжело.

Утренняя репетиция шла часа три. Когда она кончалась, я уходил за кулисы и продолжал работу самостоятельно: до вечернего прогона. В зал не хотел спускаться: вижу, сидят актеры, служители — полно народу. Не мог слушать ни утешений, ни нотаций... Вечером опять

начинаем репетировать — и опять я так же плохо играю, или даже еще хуже. Кончается репетиция — я вновь за кулисы и жду, пока все уйдут, даже пожарный. Кроме всего, я имел неосторожность случайно прочесть стенограмму обсуждения расширенного художественного совета, которую артисту не позволительно читать, — там прямо говорят, что думают. Словом, от всего этого можно было заболеть. Сейчас меня неудачи так не обескураживают, но тогда...

Прочел стенограмму утром, а вечером премьера. У меня был только один выход — подумать так: «Пусть это останется любопытным фактом в моей биографии». Вот такой м-а-а-ленький эпизодик.

Вы знаете, мне пришлось немало работать с Олегом Павловичем Табаковым — актером незаурядным, взрывным, чрезвычайно талантливым, буквально властвующим над ролью... Так вот, я спросил у него: «Что нужно актеру для такой, как у вас, свободы поведения на сцене?». И он ответил: «Хотя бы один успех...».

«ВТ». Еще два вопроса, которые в свое время журналисты задавали Аркадию Исааковичу. Какие качества в окружающих вам приятнее всего и какие вы отвергаете? Как относитесь к людям, лишенным чувства юмора?

— Больше всего ценю доброту, профессионализм. Ненавижу рабство во всех его проявлениях: перед вещами, деньгами, в общении между людьми — подхалимство, например.

Что касается ответа на второй вопрос, то отец, если мне не изменяет память, ответил на него так: «Людей, лишенных чувства юмора, я прежде всего жалею: без юмора жить на свете трудно. Жизнь не всегда складывается счастливо, у каждого бывают тяжелые переживания, болезни, всякие неудачи, но юмор помогает жить». Я к этому ответу присоединяюсь. Пусть сопутствуют юмор, улыбка в новом году всем и тем, кто связан с морем, с голубыми магистралями нашей страны.

Интервью вел
И. ЩЕДРИН.